

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Не родись красивой

В августе 2003 года Вовик Казангапов, медалист Орской четвертой школы, обрел новую реинкарнацию. То, что раньше было Вовиком, поступило в столичный вуз, зажило самой настоящей взрослой жизнью и стало официально называться Володей. Именно так Вовик, то есть Володя, стал представляться своим новым знакомым, которых у него теперь было гораздо больше, чем старых.

С жильем повезло: у папиных родичей нашлась пустующая однушка неподалеку от универа, которую те ленились продавать или сдавать. Володя платил им символическую тыщу в месяц и жил, как фон-барон, в своих (или почти в своих) хоромах. Кроме него, там жила компания шустрых тараканов и старая мышь Мефодьевна, которую он подкармливал чипсами. Работа тоже быстро нашлась: Володя нанялся клеить всякую рекламную мелочь. Это было не слишком трудно и не слишком прибыльно, но к большому он пока и не стремился.

Кое-как освоившись, Володя стал присматриваться к новой тусовке. В первую очередь его, естественно, интересовали девочки.

В группе их было много — больше половины. Что и говорить, год начинался нелегко: на улице Володю глушила Москва, шумная и назойливая, а в универе добивал цветник, сверкавший полуприкрытыми прелестями. Сентябрь выдался жарким, кондиционеры «Прогресс» не работали, и цветнику было не до комплексов.

Вскоре Володя разобрался, что этот цветник, как и все остальные, делится на три категории. Первую составляли профессиональные красотки — штуки 4 или 5. Вторая была, в общем, не уродливей первой, но заметно уступала ей в профессионализме. Наконец, третью населяла серая мышатина и примыкающие к ней.

К первой категории Володя быстро потерял интерес — по причине и слабой доступности, и слабо выраженных признаков мозга, — и сосредоточился на второй. Там были красивые, фигуристые экземпляры, не разбазаривавшие себя направо и налево, и наличие у них того же мозга могло быть куда вероятней. А могло и не быть.

Где-то между второй и третьей разместилась особи, у которых мозг явно переразвился — «ботанический сад», он же «колония заучек гладкошерстных». Видно, в детстве им вдолбили, что учење — свет, а макияж — такая тьма, что никакие молитвы не спасут. Иначе Володя не мог объяснить такого преступного, как он считал, пренебрежения своей женственностью.

Особенно характерной была одна ботаническая особь. Казалось, она чем-то выделяется из этой компании, хоть Володя и не мог понять, чем именно. Выглядела она едва ли не кошмарней всей: какие-то затасканные джинсы, полнящие робы, оглобли на пол-лица, хиппацкий платок на голове и, конечно же, нуль косметики. Единственное, чем она отличалась от других заучек — нежная чистая кожа, видная там, где физиономия выглядывала из-под оглобель. На фоне обычных ботанических прыщей это было, пожалуй, странно.

Звали ее не как-нибудь, а Аграфеной. Ее тут же окрестили Графиней и пробовали к ней так обращаться, но она не отзывалась. Позднее Володя заметил и другое отличие: Графиня двигалась не по-слоновьи, как другие ботанки, а нормально, даже изящно. Не так, конечно, как вертялые зады первой группы, но и не горбатилась, как Квазимодо.

Он пробовал то так, то эдак заговорить с ней, но всякий раз это кончалось чувством, что он

говорит с фикусом. У Графини не было никаких особых примет — ни мимики, ни голоса, ни повадок. Несмотря на все это, она вызывала в нем — не то что интерес, но, пожалуй, любопытство. Она и сама украдкой косилась на него.

Володя не понимал, откуда растет эта странная тяга: в группе было полно куда более интригующих существ, которых любил обсудить с ним Васька Пулюй, его новоиспеченный френд:

— Вот это сисяги! Смотришь — и яйца потеют!

Володя поддакивал, хоть там были не столько сисяги, сколько умение их оголить и подать. Конечно, с Васькой он не обсуждал Графиню — тот ничего бы не понял. Да и сам Володя ничего не понимал.

Однажды они с Пулюем трепались на подоконнике в туалете, у раскрытого окна. Жара не утихала, и остро не хватало воздуха.

— Дык понимаешь, какое дело — тянул Пулюй. Володя молча слушал (он вообще больше любил слушать, чем говорить).

И тут случилась странная вещь. В раскрытой створке окна, куда глядел Володя, вдруг нарисовалась девушка какого-то необыкновенно сказочного вида, как эльфийская принцесса или фея.

Володю прошибли мурашки. В следующую секунду он уже понимал — «отражение» — но мурашки продолжали носиться по телу. В тон им где-то пророкотал гром (или какой-то другой далекий бабах — хрен его знает, что в этой Москве может греметь).

Девушка взялась за свои темные локоны, уходящие куда-то за край окна, и стала расчесывать их, как русалка.

Володя наконец сообразил, в чем дело. Рядом, за углом корпуса, был женский туалет. Отсюда он не был виден, но в раскрытой створке окна отражалось его окно. Хорошо, качественно отражалось: за стеклом была темная стена, солнце светило сзади, — получилось самое настоящее зеркало. Девушка, как и они, присела на подоконник, думая, что ее никто не видит. Казалось, сама Галадриэль снизошла из чертогов Лориэна в местный сортир —

В ней было что-то очень, очень знакомое.

«Черт! — беззвучно протянул Володя, вглядываясь в стекло.

— Дык ведь вот ведь как, понимаешь — не унимался Васька. — Эээй! Че, в астрал ушел, чтоль?

— А? — дернулся Володя. — Слухай, Пулюй. Помнишь, ты мне во вторник в шахматы продул?

— Ну? — помрачнел Васька.

— Баранки гну! Дуй за пивом на двоих.

— Что, в сортире?!

— Зачем? Выйдем на просторы. Дуй давай — одна нога здесь, другая там. А я пока помедитирую.

— Ленивое животное! — заявил Пулюй, нехотя слезая с подоконника.

Когда за ним хлопнула дверь, Володя облегченно вздохнул и повернулся к окну. Галадриэль расчесала локоны, стянула их в тугий узел, повязалась хиппацким платком — Посидела просто так, глядя в никуда влажными, как у сайгака, глазами (они четко отражались в стекле). Потом надела оглобли и исчезла.

Володя вышел из туалета и медленно, ничего не замечая, побрел к выходу, где его уже ждал

недовольный Пулюй.

***

После пар Володя увязался за Графиной.

Та шла к метро. Володя соблюдал дистанцию, чтобы его не засекали. Зачем — он сам не знал. Он ничего не знал и не понимал, кроме того, что очень хочет все узнать и понять, и для этого нужно хотя бы не упустить ее из виду.

Парило невыносимо. Небо придавила чернильная туча, и оттуда глухо гремело, как из подвала.

«Ща начнется» — думал Володя, не сводя глаз с Графини. На землю упали первые тяжелые капли, и от каждой на асфальте оставался след, похожий на пятак. Их треск напоминал барабанную дробь в цирке, когда вот-вот, вот сейчас, еще немного, еще совсем чуть-чуть…

Воздух вдруг взбунтовался от влаги, пророс прозрачными нитями — и город накрыло ливнем, как колпаком. Каждую секунду ливень усиливался, хотя, казалось, было уже некуда.

Графиня запицала. Володя полез было за зонтиком, но какая-то сила потащила его вперед, прежде чем он успел осознать, что к чему, и вытолкнула на глаза Графине.

— Аааа! — визжал Володя вместе с ней. — Йййохоуу! Ииии!..

— Мамаааа…

— Вот это дааааа!..

Они бежали и орали, как дурные телята. Стихия вдруг отменила все условности, и Графиня смотрела на Володю и улыбалась ему, будто они были знакомы с детства. У нее была пронзительно красивая улыбка, сверкавшая сквозь ливень.

— Давай к остановке, там крыша! — скомандовал Володя.

— Давай! — Графиня побежала за ним, но ойкнула и остановилась.

— Что?

— Яма какая-то! Под лужей не видно!

Ливень гремел, как артиллерия, и им приходилось орать.

— Давай руку!

В Володину ладонь вцепилась мокрая горячая рука.

— Ааай!..

Володя присвистнул: с Графининой ноги слетели две половинки лопнувшей сандали.

— И что теперь делать?

— Давай босиком! Снимай вторую!

Графиня послушно разулась.

— В метро так не пустят!

— крикнула она.

— Дааа… Слушай!

— Что?

— Я тут недалеко живу! Давай ко мне! Переждем!

— Нуу…

— Пошли! — Володя решительно потащил ее за руку. Графиня потащилась за ним.

— Не так быстро! Я же босиком!

— Вау! — Володя тоже разулся. — За компанию!

Графиня рассмеялась. Рассмеялся и Володя.

Это было похоже на цветной детский сон. «Ля-ля, ля-ляааа», — запела Графиня, пританцовывая на носочках. Потом забрала руку у Володи и закружилась. Сверху шарахнул раскат грома.

— Гром! Прогремел по крышам, распугал всех кошек гром; — хрипел Володя, изображая Шевчука.

На улице не было ни души — только они, мокрые до печенок, и звенящая мгла, вдавившая город в землю. Перед домом их ждала преграда в виде перекопанной траншеи, раскисшей в кисель.

— Ничего! Вперед! — храбро крикнул Володя и ступил в рыжее месиво. Нога тут же увязла по щиколотку.

— Аааа! — кричала Графиня, вцепившись Володе в плечо. — Аааа! — и с чавканьем выдергивала ступни из грязи. — Надо закатать!..

Подтянув брюки, они влезли, обнявшись, в самую гущу и выбрались из нее в глиняных «сапогах» до колен.

— Всю жизнь мечтала; вот так; Мамааа!; — хныкала и смеялась Графиня, разглядывая то, во что превратились ее ноги.

— Надо почистить; Дай сюда! — Присев, Володя стал снимать с них липкие комья.

— Ты что, я сама! — сказала Графиня, но не сопротивлялась, а наоборот — подставила ступню Володе. Та была маленькой и умильной, как перепачканный звереныш. — Аай, щекотно!

— Таак; Теперь другую!

Ее пальчики, когда он выковыривал оттуда глину, смешно шевелились, как червячки.

— Ты как любишь, чтобы тебя называли? — спросил Володя, когда они входили в подъезд.

— Не знаю; В школе я была Фенькой, Фенечкой. А мама когда-то звала меня Глашей;

— Можно, и я буду тебя Глашей?

— Можно, — кивнула она. — Тебе можно.

Они вошли в Володину однушку.

— Дааа;

— Фффух;

— Охохооо;

Минуту, если не больше, они вздыхали, выпуская пар. Потом Глаша спросила:

— Ты мне дашь, во что переодеться?

— Даа, конечно, только у меня женского нет. Все большое, на меня. Халат какой-то был;

— Ладно. Кто первый в душ?

— Хороший вопрос. Бросим жребий?

— Давай!

— Шучу, ты что! Я же джентльмен! Давай ты.

— Спасибо! — Глаша сверкнула Володе своей пронзительной улыбкой и побежала к ванной.

— Здесь?

— Ага;

Мокрая одежда облепила ее, очертив изгиб бедер и груди. «Там, в ванной, он будет еще изгибистей» — тоскливо думал Володя, теребя в руках мокрую футболку;

— Аааааааааа!

Из душа донесся оглушительный визг. Володя подбежал к двери и, поколебавшись полсекунды, распахнул ее.

— Ааааа!..

В ванне визжала совершенно голая Глаша, а по стене веером растекались тараканы — штук 10, если не больше.

— Я взяла… а они… прямо на меня… — хныкала она, как маленькая.

Володя вооружился тапком и храбро уложил всю армию. Жертвы посыпались на Глашу, и та снова завизжала.

— Сейчас, сейчас… Прости, что так. Вылези пока.

Глаша выпрыгнула из ванной и смотрела, как Володя собирает бумажкой останки тараканьего десанта.

— Готово! — он повернулся к ней.

… Какое-то время они смотрели друг на друга. Потом Володя хрипло спросил:

— Вопрос «кто первый будет мыться» уже неактуален, да?

Глаша молча влезла в ванну. Володя, похолодев, сбросил с себя мокрые тряпки и влез туда же.

— Да не стесняйся ты! Что, никогда голых парней не видела, что ли?

— Никогда. На фото только, а живьем — нет…

— Что, и сама не… — изумился Володя.

— А что, это так ужасно?

— Да нет, почему…

У него вдруг кончились слова.

Дело было не в том, что они стояли голышом друг против друга, и Володин хрен уже лез из крайней плоти, как нос любопытного зверя.

Совсем не в этом было дело.

А в том, что Глаша без оглобелей, без платка и без одежды оказалась не просто хорошенькой, или даже красивой, или даже очень красивой — сексбомбой там, супермоделью или кем угодно еще…

Если бы Володе сказали, что он сегодня встретит настоящую Божественную Красоту, рядом с которой все окрестное дамье покажется кунсткамерой — Володя, естественно, решил бы, что над ним стебуются. Но…

Вот она — перед ним. Та самая Божественная Красота, от которой больно дышать, потому что хочется то ли плакать, то ли смеяться, то ли подохнуть нахуй, то ли, наоборот, «жить удесятеренной жизнью»… Та самая, которой не бывает. Текучая фигурка, тугие груди с сосками-пиками, прозрачное лицо невыразимой прелести и нежности, влажные сайгачьи глаза и темно-бронзовые пряди почти до колен, потемневшие и отяжелевшие от воды…

Володя решил бы, что здесь замешана какая-то мистика, если бы контуры Глашиной физиономии не совпали так точно с привычными контурами Графини. Минус оглобли, да платок, да маска недотроги, — плюс распушенная грива, да нагота, да шквал эмоций, подкрасивших щеки и глаза горячим блеском…

Но — как же, черт возьми…

Какой-то внутренний часовой подсказал Володе, что сейчас не время молчать и вздыхать. Сейчас жизненно важно сохранять легкий тон.

— Что ж? все бывает в первый раз, — прохрипел Володя. Голос, падла, не хотел слушаться его; — А что, не худший вариант первого раздевания, правда?

Глаша улыбнулась ему. Ободренный Володя продолжал:

— Я, конечно, маньяк и насильник, но; сегодня у меня выходной. По вторникам я не работаю. Так что ты можешь быть совершенно спокойна. Мы просто будем мыться, и я просто;

И тут просто произошла совершенно неожиданная (хотя и вполне объяснимая) вещь. Вдруг, на ровном месте Володя поскользнулся в своей личной ванной, которую изучил за месяц, как облупленную (она, собственно, и была облупленной); и полетел прямо на Глашу.

Они чуть не свалились вдвоем, но каким-то чудом Володя устоял на ногах.

Когда он обрел равновесие — оказалось, что они с Глашей стоят, прижавшись грудь к груди, и что Глаша обнимает его за задницу.

Конечно, она просто обхватила Володю, чтобы удержать, и почему-то забыла убрать руки;

Ее влажное, в капельках лицо дышало в пяти сантиметрах от Володиного лица. И это расстояние медленно сокращалось.

Душа Володи ушла в пятки. Руки его сами поползли по Глашиному телу, прижимая его покрепче, хрен набух и звенел, как громоотвод; Володя хотел поцеловать Глашу, но вдруг вспомнил фильм «Метод Хитча» — «последний шаг должна сделать она»;

И она сделала его. Приблизившись к Володе так, что глаза перестали ее видеть, она куснула его губы своими губами, будто пробуя их на вкус.

В этом детском чмоке было столько нежности, что Володя вдруг расплавился и потек по Глаше, облепляя ее бурными ласками.

Разум, оглушенный передозировкой гормонов, заискрил и потух.

***

Включился он, когда Володиного тело, опустошенное дотла, сползло с Глаши, как сладкий студень.

Они были в его постели. За окном лил ливень. Уже стемнело, и комнату окутал лиловый сумрак.

Володя никогда не думал, что сможет полностью потерять контроль над собой. То, что сейчас с ним было, было как бы не с ним, а с каким-то ополоумевшим зверем, который вселился в его яйца и нервы. Володя только что был внутри Глаши — не только его хрен, но и он сам целиком проник в нее, влез вовнутрь и там обжегся о Глашину сердцевину, сросся с ней, родился и умер в спящем тепле женского тела;

После этого все стало по-другому. Володя уже не был прежним Володей. Из Глаши к нему тянулась невидимая нить-пуповина, приросшая там, в момент звериной близости. Они теперь дышали вместе, как сиамские близнецы.

Это было удивительно и немного страшно. Он прижимал к себе Глашу и думал о том, что каких-нибудь два часа назад это был совершенно чужой и незнакомый ему человек;

— Зачем ты маскируешься? — спросил Володя, едва шевеля губами.

Лиловый сумрак молчал. Потом раздался Глашин голос, счастливый и безучастный:

— Маскируюсь?

— Да. Зачем?

Голос молчал, и Володя продолжил:

— Все девушки хотят быть красивыми, так? Я видел серых мышек, которые косили под красавиц. Я видел красавиц, которые косили под еще больших красавиц, хоть у них и получалось наоборот. Но красавиц, которые косили под серых мышек, я не видел никогда. Почему ты так делаешь?

Глаша молчала. Потом сказала:

— Мне трудно ответить. Тебе очень важно это знать?

— Вообще-то да, — сказал Володя. Почему-то это действительно было очень важно.

— Ну хорошо. Я с детства была — ну, хорошенькой. И меня всегда тащили во всякие такие проекты: и Путину цветы вручала, и в моделях была, и мини-мисс Сибирь, и потом уже просто мисс Сибирь, и на мисс Россию номинировалась — Но там уже надо было по-другому вести себя — со всеми спать, с фотографами, с менеджерами — А я не хотела такого — И у меня всегда было кошмарное общение в школе.

— Завидовали?

— Да — и не только. Девки завидовали, пацаны бесились. Вначале мне лестно было, когда совсем малая была. Потом достало. И потом одна очень плохая история случилась —

Глаша замолчала.

— Какая?

— Можно, я об этом не буду?

Володя никогда не отличался сорочьим любопытством. Но — странное дело — сейчас он почувствовал, что ему очень, ну прямо-таки очень важно знать, что это за история.

— Расскажи, пожалуйста, — попросил он.

Глаша молчала, и Володя ждал. Потом она сказала:

— Ну, в общем — Обычные школьные страсти. Двое за мной бегали, надоели, как мошка — А девки приревновали, поймали меня, связали —

— И?

— И ничего. Начали брить мне голову, но — Как раз вошла училка, и всем потом досталось.

— И всё?

— Что «и всё»? Ты хочешь, чтобы я рассказала, как мне было, что я чувствовала, когда они меня —

— Нет, нет, ну что ты. Прости меня, ладно?

— Могу показать, если хочешь. Включи свет.

Володя клацнул ночником. Желтый свет осветил комнату, постель, и в ней — Глашу. Ее хрустальная красота снова царапнула Володе нервы.

— Вот, смотри, — она раздвинула густые пряди. — Видишь, тут короткие? Отросли уже —

Володя пощупал ее гриву.

— Какие у тебя волосы, — сказал он и хихикнул, как дурачок.

— Чего ты?

— Да так. Не могу поверить —

Он сгреб ее и стал тыкаться сразу везде, как щенок в миску, стараясь запомнить каждый миллиметр драгоценного тела — чтобы помнить потом всю жизнь. Глаша пыхтела, закрыв глаза.

— Это у тебя был первый раз, да? — спросил он, слизывая кровь между ее ног.

— Угу…

— Как так получилось? Что такая девушка, как ты, ни с кем и никогда?..

— Ммммм, — простила Глаша, и Володя понял, что сморозил глупость. — Ну почему я обязательно должна со всеми?… Я не хочу, как все. Я не хочу, чтобы природа и… и вообще кто-то другой решал за меня, какой мне быть. Я хочу быть такой, какой хочу, а не такой, какой надо. Поэтому я здесь, а не… не… неважно. Неужели это непонятно?

Глаша даже приподнялась на кровати. Володя покаянно целовал ее в лобок:

— Ну прости, прости. Я зря это сказал. Простишь?

— Угу… Я ненавижу мужиков, ненавижу пацанов, которые смотрят на тебя, как на ходячую куклу для секса, будто тебя в тебе нет совсем, одна морда и сиськи… Вот ты запал на меня, когда я «замаскировалась». Это совсем другое дело. Ты полюбил меня такой, какая я есть. Думаешь, я не видела, как ты на меня смотрел?..

Володя радостно верил, что все так и было.

— А как ты догадалась «маскироваться»? Сама?

— Почти. Я встретила… ну, одну женщину. Она подсказала мне, как быть, как вести себя.

Каким-то краем нервов Володя почувствовал, что Глаша что-то не договаривает, и что-то важное. Но сейчас прямо перед ним, у самого его носа розовело еще более важное — самое важное на свете…

— Глаш, — сказал он, облизывая ее интимный уголок. — Нескромный вопрос. Ты, когда мы… ну, когда мы это делали — ты кончила? Ты не помнишь?

— Не помню. Я вообще плохо помню, как это было, представляешь? Так внезапно все… и бурно…

Она рассмеялась. Володя вдруг понял, что тоже плохо помнит, «как это было». В его памяти остался какой-то блаженный ком, который нельзя было никак описать, кроме «аааааа!…»

— Тогда давай мы тебя сейчас кончим. Давай? — спросил он.

— Эээ…

— Давай-давай… расслабься… — командовал Володя. Его уверенный голос подействовал, и Глаша вытянулась, как кошка. — Вот тааак…

Совсем недавно он нашел видеоролик, где один сексолог показывал, как правильно доводить женщину до оргазма. Володя затвердил его метод, как таблицу умножения, и сейчас собирался применить его на практике.

— Вот тааак… — приговаривал он, обильно вымазывая Глашу кремом от прыщей. (Ароматного масла не нашлось, но так было даже лучше, считал Володя.) Когда Глаша стала похожа на лоснящуюся оладью — он принялся искать на ее теле «точки любви».

— Говори, что ты чувствуешь, — требовал он, подминая ей грудь и бедра.

— Чувствую, что ты тискаешь меня за грудь, — говорила Глаша, — и за бедра… Аааа! Ой-ей-ей…

— Ага! — торжествующе пыхтел Володя. — Теперь немного массажа…

Он размазал по ней крем, стараясь подминать те самые точки. Глаше это явно нравилось.

— Ты возбуждалась? Сильно? — спрашивал Володя.

— Вроде да…

— Тогда приступим.

Он вздохнул, пожелал себе удачи и полез Глаше между ног.

— Эээ! Ты что? Больно…

«Странно, девушке из ролика не было больно. Может, я плохо возбудил Глашу?» — думал Володя.

— Наверно, мало крема. А вот так? — он выдавил ей в половые губы весь тюбик.

— Так лучше… вроде… Ааа!

Она явно что-то почувствовала.

— Где? Говори! — требовал Володя, ввинчиваясь пальцем в верхнюю стенку влагалища. Но Глаша уже ничего не могла говорить, а только мычала, выпучив глаза.

Володя вдруг понял, что он случайно, с первого же тыка попал в таинственную «точку G», и сейчас главное — не потерять ее. Сжав руку до боли (чтобы та не сползла ненароком куда-нибудь), он вибрировал в Глаше, как показывал чувак из ролика.

Метод явно работал: малиновая Глаша таращила глаза, изумляясь тому, что с ней происходит. Прошло каких-нибудь полминуты — и ее выгнуло дугой. «Так быстро? Нифига себе!» — думал Володя, жадно глаза на Глашин оргазм. Другой рукой он взялся за собственный конец, и через секунду корчился вместе с ней, пустив струю до потолка.

Отдышавшись, он решил не останавливаться на достигнутом и ввинтился в колдовскую точку еще сильнее. Глаша захрипела и прогнулась мостиком, как йог, чуть не выломав Володе палец. Володя убрал руку и смотрел, как во сне, на белые брызги, летящие в него из Глашиной утробы — точь-в-точь, как на том видео. Один из них попал ему на губы. Володя облизнулся: горько-соленое, как морская вода. «Все мы вышли из моря» — мелькнула глупая мысль…

За окном сверкали молнии, будто Зевс-Громовержец знал, что происходит в Володиной хате, и поддерживал его старания. Дикое торжество и азарт охватили Володю.

— А сейчас будет девятый вал! — заявил он и ввинтился в обалдевшую Глашу, как штопор, остервенело терзая ее утробу.

Глаша хватанула воздуха, как умирающая, и страшно закричала.

В ту же секунду ударил оглушительный раскат грома, и в комнате погас свет.

Володе показалось, что он с размаху угодил в кошмар. Вся мистика сегодняшнего дня, упрятанная подкоркой куда-то вглубь, вдруг всплыла на поверхность и ожила…

— Ого! Как шарахнуло… Выбило пробки, видно… — бормотал он, заговаривая темноту. И тут же осознал, что Глаша не кричит.

На секунду ему вдруг показалось — он сам не понял, почему, — что ее здесь нет.

Отчаянно цепляясь мыслью за привычное — за простынь, подушки, книги у изголовья, — Володя одной рукой шарил по кровати, а другой — на полке с книгами, где лежал фонарик. Здесь частенько вырубали свет, и, если рассудить, было совершенно непонятно, чего Володя так перепугался…

— Ффух, — выдохнул он: рука его нащупала Глашино бедро, липкое от крема, только почему-то совсем не там, где оно было секунду назад. В нутро впился новый шип страха, и Володя стал лихорадочно щупать и трясти ее:

— Глаш… Глаш!..

— Ммммм… — отозвалась темнота, и Володя набросился с поцелуями на обожаемое

тело.

— А я, представляешь, чего-то так перепуга…

— Володь!

— А?

— Больше никогда со мной так не делай. Ладно?

— Но я… эээ… А разве тебе…

— Я прошу тебя. Пообещай мне. Пообе… Ааааа! Ааааа!!! — вдруг пронзительно завизжала Глаша, и Володино сердце провалилось обратно в тартарары. — Это оно! Оно! Оно пришло за мной! Убери его! Спаси меня, Володенькаааа…

Он сам не знал, каким чудом его тело не позабыло, где верх, где низ, и рука все-таки нащупала фонарик, и пальцы нажали на кнопку…

Володя ожидал увидеть что угодно, но увидел всего лишь голую Глашу с перекошенным от страха лицом, и рядом — жирную мышь, обнюхивающую Глашино бедро.

Глаша тоже увидела ее и перестала кричать. Воцарилась тишина.

Потом Володя посмотрел на Глашу, Глаша на Володю…

— Ахахахаха!… — ржали они, как черти, выплескивая в хохоте всю муть. — Ахахахаха…

Мышь смотрела на них, как на психов.

— Это… Мефодьевна… — хрипел Володя сквозь хохот. — Я ее… покормить забыл… Ну ты и обнаглела, зверюга… Ахахаха…

Он бесцеремонно спихнул Мефодьевну с кровати и обнял Глашу.

— Я так… испугался…

— А я!… Я как испугалась…

— Ахахаха…

— Ииии…

Последние порции смеха выходили из них, как клубы трескучего газа. Глаза сами собой слипались, и через минуту Володя с Глашей сопели в обнимку, так и позабыв выключить фонарик.

«И никакой мистики…» — думал Володя, цепляясь за эту мысль, чтобы всплыть на ней в сон, как на крепкой лодке…

***

— И никакой мистики! — сказал он себе, проснувшись утром.

Абсолютно все, что произошло вчера, имело объяснение — кроме, конечно, любви, которая, как известно, никаких объяснений не имеет и есть ничто иное, как Обыкновенное Чудо.

Все остальное оказалось простым и понятным, как утренний свет из окна. У Глаши были проблемы с сердцем, и от сильного оргазма ей стало нехорошо. Вообще она совсем не против оргазмов, но только не таких сильных. А когда ее щекотала Мефодьевна, Глаше почудилось, что ожил какой-то детский кошмар, о котором она не стала говорить — сказала только, что он связан с ее покойной мамой.

Глаша совсем не обижалась на Володю и весело смеялась над своими ночными страхами.

Володя тоже показывал, как ему смешно, хоть мысленно и материл себя за то, что по глупости чуть не угробил свою любимую.

Хоть никакой мистики и не было, но Чудо продолжалось. Просыпаться в обнимку с голой Глашей — это вам не с Пулюем трепаться. Володю переполняла такая эйфория, что он готов

был порхать, как бабочка, над вымокшей Москвой.

Само собой, на пары они не пошли. Про работу Володя вспомнил только тогда, когда из сумки, о которую он споткнулся, выпали нерасклеенные объявления. У Володи с Глашей с утра была другая, куда более важная задача: собственные тела и все, что с ними можно проделывать.

Облизывая и тиская Глашу во всех доступных местах, Володя урчал, как голодный волчонок. Он жутко стеснялся своего восторга (по его мнению, Настоящий Мужчина должен делать свое дело внушительно и методично, как ебыри из порнофильмов), и его утешало только то, что Глаша точно так же урчала, пыхла и стеснялась.

Он сосал ей соски, как матке, и насосал их до брусничной красноты и твердости, когда казалось, что они вот-вот лопнут и брызнут кисло-сладким соком. Он вылизал ей тайную пещерку снаружи и внутри, дотягиваясь языком туда, куда еще вчера никто не проникал и не мог проникнуть, и от одной этой мысли стонал едва ли не громче Глаши. Он обхватил ее, когда уже нельзя было терпеть, и надел на себя всю, укутался в струящиеся волосы и в мякоть утробы, и долбил ее, стиснув зубы, чтобы не кричать слишком громко и не испугать Глашу, и видел, что она точно так же стиснула зубы и закатила глаза

Потом, когда они наласкались до оскомины во рту, нашлось другое, не менее важное дело: оказалось, что они ровно ничего друг о друге не знают. Володя даже не помнил Глашиной фамилии.

— Она у меня хитрая: Бесфамильнова, — улыбалась Глаша. — Погугли «Аграфена Бесфамильнова»: в сети куча моих фоток.

Володя пробил ее в Яндексе.

— Вот она я! Жми сразу «картинки» — поспешно сказала Глаша, ткнув пальцем в экран. Краем глаза Володя успел увидеть под одной из ссылок — «бесфамильными»; потомки; среди людей; « Это было явно не то, и он переключился на Глашины фотки.

— Вау! Охренеть! Ну и ну! — раздавалось в комнате минут пять, если не больше. Гордая Глаша выпятила грудь. С фоток на Володю смотрело ослепительное существо, взрослое, победоносное и такое же прекрасное, как настоящая Глаша, но совсем на нее не похожее (хоть и было видно, что это она).

— Е-мое! Что с человеком делают мазилки, тряпки и вообще антураж, — изумлялся Володя.

— Вот я уже знаю три разных Глаши. Сколько же их еще?

— Много, — скромно говорила Глаша. — Вот глянь еще вот эту, — и Володя любовался ею совсем в другом образе.

— А голые фотки есть?

— Ну что ты. Мне же в июле только восемнадцать стукнуло; А вообще мне предлагали, и давно уже, но я не велась.

Володя переводил взгляд с фоток на живую Глашу и обратно. Ему вдруг стало жутко: он представил себе, что его душу вселили в такое совершенное тело, не спросив согласия. На миг, на долю секунды он ощутил ответственность за эту красоту, от которой некуда деться, разве что обратно в небытие. И сразу понял, почему Глаша маскируется.

Но понять и принять — разные вещи. Все сильные мира всего, если бы Глаша захотела, уложились бы перед ней штабелями, — но она не захотела. А захотела его, Володю. Ему хотелось кричать об этом на весь мир, и Володя не знал, как удержать этот крик в себе.

— Ты же больше не будешь маскироваться? — спрашивал он. — Покажешь всем, какая ты есть?

— Конечно, буду, — отвечала Глаша. — Зачем показывать всем? Я буду такой только для тебя.
— Но#8230;

Володе это было горько, будто у него отбирали игрушку. Но он решил не портить этот день спорами. До ночи, и даже до утра напролет они говорили, говорили, рассказывая друг другу все, за что цеплялся язык. Они говорили даже во время секса. Оказалось, что если говорить, когда делаешь Это — тогда все получается еще острее и невероятней, чем просто так.

— Так ты выросла в деревне? — спрашивал Володя, вдавливаясь в горячую Глашину утробу.

— Не совсем так#8230; Я родилась на таежном хуторе, в Забайкалье, а в Читу переехала в шесть лет. Мама#8230; в общем, мне пришлось жить с родственниками, с тетей Анжелой и ее мужем. Они обожают меня, и#8230; аааа!..

В какой-то момент говорить уже было нельзя. Володя и Глаша корчились от того, что вытворяли их тела, и потом слова вновь оживали, требуя выхода, и беседа продолжалась#8230;

***

Порядки в универе были строгие, и второй день прогулять было нельзя. Вечерком Володя с Глашей ходили на рынок за обувью, и наутро как ни в чем не бывало появились на занятиях. Глаша, как и раньше, была в своем камуфляжном прикиде, который дополнили нелепые желтые ботинки.

Она с радостью согласилась переехать к Володе из общаги, но наотрез отказалась сидеть рядом с ним на парах, и вообще как-либо афишировать их отношения.

— Зачем? Зачем им знать? Пусть это будет наше, Володенька. Только наше, и больше ничье, ладно?

Володя, скрепя сердце, терпел. Но терпеть было трудно, и больше двух пар он вытерпеть не смог. После экономики он подошел к Глаше и, дождавшись, когда народ рассосется, робко обнял ее за талию.

— Не надо, Володь, — попросила та, но Володя не мог сдерживаться. Сделав еще несколько попыток приласкаться, он обиженно отошел, и потом всю дорогу домой дулся на Глашу, которая специально для него сняла оглобли и платок, когда они отошли от универа.

Впрочем, долго дуться не получилось, и прямо с порога они прыгнули в постель, откуда полетели, как перепуганные куры, предметы гардероба.

— Ну почему ты не хочешь? — ныл он, влив в нее весь свой восторг и всю обиду. — Ну почему?

На следующий день повторилась та же история. Глаша была непреклонна, а Володю распирало так сильно, что он стал делать глупости — хамить преподам и задираТЬ девчонок. За ним никогда не водилось таких финтов, и на него смотрели, как на больного.

Так продолжалось неделю. Потом Володя сказал Глаше:

— Я так не могу. Я уйду из универа.

— ?

— Не могу я, — повторял Володя, чувствуя себя идиотом. (Он никогда раньше не влюблялся и не знал, как это правильно делать.) — Мне хочется всем кричать, какое ты у меня чудо#8230; хочется каждую секунду обнимать тебя, целовать, быть рядом с тобой#8230; Не могу больше. Я сойду с ума#8230;

Глаша ничего не ответила. Вечером она была особенно нежна с ним и сделала ему такой минет, что Володя на пару мгновений превратился в ком искрящего сладкого мяса, не думающий и не чувствующий ничего, кроме блаженства, к которому не лепилось ни одно слово. Он думал о том, что в такие моменты человек, как никогда, близок к смерти, и что оргазм — и есть маленькая смерть с последующим возвращением обратно в жизнь; Оглушенный и опустошенный, он благодарно хрюкал, подставив Глаше хозяйство, и вскоре уснул под ее руками.

Ему снилось, что Глаша сидит на троне, неописуемая и ослепительная, толпа однокашников скандирует «ура», а он, Володя, ее верный раб, целует милые босые ступни и моет их душистым мылом в золотом тазике;

Утром Глаша разбудила его.

— Ээээ, — моргал Володя спросонья, и вдруг подскочил на кровати. — Глаш?

— Вставай, соня. Быстренько завтракаем — и на пары, — сказала существо, которое должно было быть Глашей.

Накрашенное, как Анжелина Джоли на вручении Оскара, одетое в обтягивающую тунику, с грудью, вздыбленной лифчиком до небес, существо спихнуло Володю с кровати и утащило его на кухню, где тот долго и бессвязно выражал свои эмоции.

Подходящих слов просто не существовало. Это была совсем новая Глаша — такая, к которой и подойти-то боязно было, не то что обнять. У Володи было чувство, что он сидит рядом с божеством, которое по какой-то своей прихоти обращает на него внимание, кормит завтраком и целует в губы.

По дороге божество беззлобно издевалось над его отвисшей челюстью. Изумление, одолевшее Володю, плавно перешло в ликование и в благодарность: он наконец понял, на что Глаша пошла ради него. В универ он влетел, порхая вокруг нее, как пьяный мотылек.

Володя предвкушал эффект, но и думать не мог, вот что он выльется. Глашу просто тупо не узнали. Группа шептала «ваааа»;», глаза на красотку, севшую с Володей, но связать ее с очкастой заучкой в платке не хотела и не могла. Ее не узнавали преподы, а один даже всерьез затеял разбирательство — почему это, мол, какая-то посторонняя выдает себя за студентку Бесфамильнову. И только когда Володя с Глашей стали ржать вголос, народ заподозрил, что его не разыгрывают, и это чудо-юдо, которое невесть где подцепил Володя, и есть настоящая Графиня.

На перерывах вокруг них кипел ажиотаж. Володя, вначале гордый, как петух, почувствовал, что его затирают, особенно когда к Глаше причаляли местные мажоры, беспардонные, как «лексусы». Но ничто не могло омрачить его триумфа, и на обратном пути он сделал то, чего еще не делал: затащил Глашу в подворотню и там, прямо под фонарем, где всякий мог их увидеть, стянул с нее трусы с колготами и выебал, причем не как-нибудь, а звонко отшлепав по голому задку и промежности.

Было жутко стремно и неудобно, но мысль о том, что он ебет эту богиню, где захочет и когда захочет, так сносила башку, что Володя впрыскивал в нашлапанную Глашину пизду горячие фонтаны, наверно, минуты две, и фонтаны все никак не кончались, пока у него не поплыло перед глазами, и он не вцепился в свою богиню, чтобы не рухнуть на асфальт; Глаша сама возбудилась до плача и пробовала мастурбировать, раскорячив ноги, но у нее ничего не получалось. Тогда Володя окончательно снял с нее колготки с трусами, а заодно и туфли, и Глаша, голая и липкая снизу, пошла с ним домой.

Было полно народу, и она замирала на каждом шагу, как вороватая кошка. Туника спускалась чуть ниже бедер, и Володя все время задирает ее, оголяя срамоту. Не дойдя до дома, он прижал Глашу к стене, шлепнулся на колени и приник ртом к раковинке, изрыгавшей липкие потоки. Глаша не имела сил протестовать и стонала, раскачиваясь, как пьяная. Володин язык жег ее сладким огнем до костей, и через какую-нибудь минуту Глаша бесновалась, сползая по стене.

— Круто. Охуеть, как ты ее, — раздалось за спиной. Володя дернулся: рядом стоял какой-то мужик. — Меня пусти, я тоже хочу.

— Ща как пущу тебя, — двинул на него Володя, прибавив стоэтажное непечатное.

— Но-но-но-но! Я ж пошутил, — сразу отошел мужик.

— Оооооу! — кончала Глаша под стеной, терзая свои многострадальные гениталии. Сейчас ей было все равно.

— Ладно, — сказал Володя. — Я сегодня добрый. Так и быть, можешь подрочить на нее.

Он рывками стащил с обалдевшей Глаши тунику, а потом и маечку, и лифчик, оголив ее полностью. Мужик вывалил хозяйство и через считанные секунды взревел, как медведь. Володя смотрел, как тот плюется кончней в его Глашу, голую, одуревшую от похоти, и задыхался в жестокой эйфории;

Натянув кое-как тунику, Глаша молча дошла с ним домой и, войдя в квартиру, вдруг врезала ему в челюсть.

Это был удар настоящего мужика — Володя не получал таких со времен бурного девятого класса. Он отлетел к стене, а Глаша дала вдобавок ему в нос, расквасив его к чертям.

Каким-то запредельным усилием Володя сдержал желание схватить ее и трясти, как тряпку, чтобы вытрясти из нее всю дурь. Изрыгая матюки, он уполз в ванную, а Глаша, не проронив ни слова, ушла в комнату. Кое-как остановив кровотечение, он вышел и подкрался к комнате, прислушиваясь к приглушенным стонам за дверью. «Плачет» — покаянно думал он. — «Сукин ты кот!»; «Проси прощения»;

Раскрыв дверь, он вначале застыл, а потом прыгнул, как леопард, в постель и прямо-таки впился в голую Глашу, которая вовсе не плакала, а мазохистски терзала срамное место, выпятив его до потолка. В следующую секунду Глаша уже орала, выламывая Володин каменный стояк. Так грубо, по-звериному они еще никогда не еблись, и никогда так не плакали после секса, виновато облизывая друг друга;

— А у тебя удар будь здоров, — уважительно говорил Володя, щупая нос. После Глашиных поцелуев тот каким-то чудом не болел. — Слона на скаку остановит и хобот ему оторвет;

И завтра, и послезавтра, и все прочие дни выходила одна и та же история: вокруг Глаши мельтешили альфа-самцы, с каждым днем все сильнее наезжая на Володю. Нужно было отдать должное Глаше: у всех на виду она обнимала его и картинно целовала в засос, показывая, чья она женщина.

Володя, обычно остроумный, нервничал и хамил, и потом на обратном пути выпускал пар, трахая Глашу в подворотнях и на скамейках. Это был жестокий секс с битьем, царапаньем и вываливанием в грязи, совсем не похожий на то, что у них было в первые дни. Однажды их окружили гопники, и они едва унесли ноги. В другой раз парень, подкарауливший их, попросил разрешения «хотя бы потрогать» Глашу. Володя уже приготовился его послать, но Глаша вдруг разрешила, и тот сосал ей соски и лапал между ног, пока Володя не отпихнул его

и не выебал Глашу у него на глазах так жестко, как никогда еще не ебал»;

***

Однажды утром они с ней шли, как обычно, на пары.

— Там все очень просто, — объяснял ей Володя тему, которую сам не понимал, но в процессе объяснения надеялся понять. — Берешь теорему этого, как его»; Ты что?

Он перехватил застывший, как в стоп-кадре, взгляд Глаши. Она смотрела на какую-то женщину, которая тоже смотрела на нее.

Внутри шевельнулись давно забытые мурашки. Женщина выглядела странно. Что именно в ней было странного, Володя не успел понять.

— В чем дело? Кто это? Ты ее знаешь? — допытывался он.

— А?»; Что? Нет, не знаю. Она»; похожа на одну мою знакомую. Из Читы. Просто обозналась, и все, — сказала Глаша, рассеянно глядя перед собой.

У Володи не было никакого резона не верить ей.

— Ясно. Значит, так: эта самая теорема»;

После пар Глаша сказала, что ей нужно сходить по одному делу.

— Я с тобой! — сразу вызвался Володя.

— Нет, мне нужно одной. Прости, пожалуйста»;

— Почему одной? Что за дело?!..

— Ну»; Поверь, в этом нет ничего такого. Это никак не связано ни с каким парнем, или там»; Ты же доверяешь мне?

Этот вопрос имел только один ответ. Чмокнув Володю, Глаша ушла, оставив его в самом отвратительном настроении, которое только можно придумать. «Та женщина» — не сомневался Володя; но почему нужно было скрывать от него?

Он хотел было идти следом, но стало противно, и он повернул домой.

— Приветствую, молодой человек.

Навстречу вышла компания альфа-самцов из его группы: двое «мажоров» и двое сочувствующих, среди них Пулюй.

Володя задрожал от злости. Только их сейчас не хватало.

— Че надо?

— Вот зачем ты так сразу, а? Зайдем в кафе, перетрем кое-что»;

Они уже подкатывали к нему — предлагали деньги, чтобы Володя бросил Глашу.

— Пошли нахуй, уроды.

— Володь, ты че сразу в атаку, а? — заголосил Пулюй. — Слышь, Макс, как он? Вот он всегда так!

Со всех сторон на Володю поперли возмущенные голоса:

— Эти косоглазые вечно какие-то бешеные. Обиженные на всех. Ты че сюда приехал, если ты такой обиженный?

— С обиженными знаешь что делают?

— Такая девушка не для тебя, непонятно чтоль?

— Не твоего статуса экземпляр»;

— Найди себе какую-нибудь там Гузаль, или Айгуль»;

— Нет, ему надо наших русских девочек. Полная Москва вас, черножопых, что тебе, мало, что ли? Понаехали тут, как к себе домой»;

Володя почувствовал, как у него темнеет в голове. Выставив кулак, как таран, он рванул

вперед и въехал им в ближайшую морду.

Дальше он плохо помнил, что и как. Из комка сплошного мелькания и воплей вдруг соткалась скверная картина: сверху, над ним были подошвы, много подошв, и они скакали прямо по нему — по лицу, по животу и везде. То, что не было больно, было самым скверным. И тут Володя услышал какой-то писк, как у чайника, когда тот вскипает. Он вдруг понял, что этот писк — Глашин голос (хотя он у нее совсем не был писклявым).

— Беги отсюда! — попытался он крикнуть, но не услышал себя.

Дальше было совсем странно. Сквозь мелькание подошв он увидел Глашу, которая стояла с полузакрытыми глазами, как обкуренная, и что-то шептала. Подошвы вдруг прекратили мелькать, и вокруг Володи с воплями стали падать тела, одно за другим. Чьи-то ноги попытались было драпать, но и их хозяин издал сдавленный крик и шлепнулся головой в грязь.

Глаша была уже над Володей. Она не плакала, не причитала, и лицо у нее было не слезливое, а страшное, как на древних иконах. Она положила руки на Володю, продолжая что-то шептать.

Тот не знал, что ему думать и чувствовать.

Все мысли и эмоции отмерли, и вместо них остались только мурашки, которые спали где-то под ребрами, а сейчас проснулись и затопили его холодом. Это было, как сон, из которого проснулся, а оказалось, что ты в другом сне, и все взаправду;

— Вставай, — говорила ему Глаша. — Вставай! — и какая-то сила подбросила Володю вверх. Тот инстинктивно повернулся туда-сюда, пошевелил руками-ногами — все было в норме, ничего не болело. — Уходим! Быстро! — Глаша схватила его за руку и потащила прочь.

— Что это? Что это было? — вопрошал Володя, волочась за ней.

— Не спрашивай меня ни о чем, Володенька, умоляю! Пожалуйста! Я не могу; Ни о чем не спрашивай, просто идем скорей домой.

Володя замолк. Дома Глаша уложила его, раздела и стала ласкать, как маленького. Все начинку Володиных нервов будто смыли мягкой мыльной губкой, и он провалился в сон;

Там его ждала такая неопишуемая чернота, что Володя долго-долго, целую вечность собирал по крупице силы, чтобы прорвать ее и проснуться.

Когда ему это удалось, уже было утро. Глаши не было дома.

Схватившись за мобилку, Володя прижал ее к уху так, что чуть не раздавил.

— Володенька, ты как? Все хорошо? Иди в универ, я приду на третью пару. Не хотела тебя будить, вышла купить кое-чего;

«Ага. Знаем, чего ты вышла купить» — мрачно думал Володя, хоть на самом деле ничего не знал и не мог знать.

Он разрывался между благодарностью Глаше, которая его спасла, и мурашками, которые холодили тем сильнее, чем больше он пытался думать о том, кто такая Глаша и что за ней стоит;

В сердцах он пихнул рюкзак, и оттуда вывалился планшет.

«Стоп»;

Володя зажмурился. Где-то мелькнул полуобрывок какого-то воспоминания;

Он пробил в Яндексе «Аграфена Бесфамильнова».

Вот они — Глашины гламурные фотки. Не то. Вот список разных Бесфамильновых,

знаменитых и не очень. Тоже не то. А вот…

Похолодев, Володя ткнул в ссылку.

«… родовое имя способно заговорить колдовство, поэтому потомки упырей и оборотней часто оставались бесфамильными» — читал он, чувствуя, как мурашки подступают к горлу. — «Они жили среди людей, ничем не отличаясь от них. Чтобы не выделяться, они маскировались под заурядных типов, на которых никто не обращал внимания… Знахарка Аграфена уберезет от сглаза, порчи, упырей, коллекторов, кредиторов, конкурентов по бизнесу… Для жителей Зеленограда скидки…»

Тайнознание. рф. Еще вчера Володя ржал бы вголос над таким сайтом, но сейчас ему было не до смеха.

Как чумной, он пришел на пары. Вчерашней компании не было, и мурашки защекотали еще сильнее.

Будто в насмешку над ним, на улице сверкало солнце, пуская зайчиков в окна. Один из них пыхнул Володе в глаза, и тот подскочил: ему пришло в голову еще кое-что.

— Лен, — подошел он на перемене к однокурснице. — Можно тебя на минутку?..

— … Но зачем тебе это надо? — допытывалась Лена, стоя у туалета.

— Да так, один эксперимент… Не бойся, никаких приколов над тобой, честное пионерское. Ты мне очень поможешь. Ну пожалуйста!..

— Ладно. Еще раз: что мне делать?

— Ничего. Просто раскрой окно и сядь.

Лена вздохнула и вошла в туалет. Володя ринулся к мужскому. Распахнул окно — освещение было точь-в-точь, как тогда, — и уставился в отражение.

Там мутно расплывался двор, кусок голубого неба и верхушка высотки. Володя стал крутить створку окна туда-сюда. Потом набрал Лену:

— Ну что?

— Что «что»? Сижу на подоконнике, как ты сказал…

Он знал, что так будет, но ему все равно стало зябко.

***

Отсидев вторую пару, Володя побежал на улицу — караулить Глашу.

— Надо поговорить, — сказал он, когда она появилась.

— Давай не сейчас. Пожалуйста…

— Нет. Я так не могу, — он схватил ее за руку и потащил к скамейке.

— Ну что, что ты хочешь? — сказала Глаша с неожиданным надрывом в голосе. — Не надо об этом, я прошу тебя. Не надо…

— Об этом? — передразнил ее Володя. — Приворожила меня, да? Околдовала?

— О чем ты, Володя? Ты что?

— А отражение в туалете? — кричал Володя, не замечая, что на них смотрят. — «Свет мой, зеркальце, скажи»? И грозу устроила, и все это?..

— Что ты, Володя… Ты все не так понял… — шептала Глаша. — Ты совсем ничего не понимаешь. Совсем ничего.

— Так расскажи, чтобы я понял!

— Не могу. Не могу, Володя, пожалуйста, не заставляй меня, — умоляла Глаша.

— Не можешь?… Что ты сделала с пацанами? А с девками, которые тебя поймали? Училка вошла, да? Или… Кто эта женщина? Это ее ты встретила у себя в Чите? Она

подсказала тебе, чтобы ты маскировалась? Да? Ведь так?..

Глаша заплакала.

По правде говоря, Володя чувствовал себя наглой и неблагодарной сволочью. Но отступить было поздно, да и мурашки не давали.

— Это твое желание? — спросила она, всхлипывая.

— Эээ… в смысле?

— Ну… ты просишь, чтобы я рассказала, да? Это твое желание?

— Эээ… ну да. Конечно, — недоуменно сказал Володя и добавил на всякий случай: — Между влюбленными не должно быть секретов.

Уж в этом-то он был твердо уверен.

Глаша кивнула.

— Хорошо, — сказала она, сглотнув слезы. — Хорошо. Вечером я все расскажу тебе. А сейчас мне надо уйти.

— Куда? — Володя снова схватил ее за руку, и тут же отпрыгнул, как ошпаренный: его ударило током.

— Прости. Не задерживай меня. — Глаша встала и, поцеловав его в лоб, быстро ушла.

Володя сидел какое-то время неподвижно, как манекен. Потом отправился бродить по городу. (О том, чтобы пойти на пару, было странно и думать.)

Он сам не смог бы рассказать, какие мысли плавали в его голове. Время от времени он названивал Глаше, но та отключила телефон.

Когда стало темнеть, он вернулся домой, голодный и обессиленный. Глаша пришла через полчаса.

— Эээ… — мычал Володя, глядя на мальчишку-блондина с Глашиным лицом.

— Здравствуй, — тихо сказал мальчишка.

— Что это? Где твои волосы?..

— Так было нужно, Володь. Пропусти, — мальчишка вошел в квартиру.

Ее удивительной гривы до колен больше не было. Вместо нее торчал ежик, обесцвеченный добела. Брови тоже были белые, белее смуглой кожи.

— Зачем ты это сделала? Зачем? — чуть не плача, вопрошал Володя.

Глаша не отвечала, и он притих.

— Ты хотел, чтобы я тебе все рассказала, — тихо начала она, помолчав. Без своей шевелюры, белая, как одуванчик, она стала неузнаваемой, и это было страшно. — Сейчас я тебе все расскажу. И ты сам все увидишь. Сейчас…

Глаша закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— У моего рода, Володя, есть тайна, — глухо сказала она, не раскрывая глаз. — И эта тайна…

Володя почувствовал, как его сдавливает синюшный холод.

— Глаш!… — хрипло выкрикнул он.

Из пола вылезли тонкие чернильные щупальца и оплели Глашины ноги. Глаша закричала и упала на пол. Щупальца ветвились на глазах, врастая в нее, как корни. Они были сделаны из черноты Володиного сна.

Глаша кричала и билась на полу. Володя вдруг понял, что ей смертельно больно. Щупальца втягивали ее в пол вопреки всем законам физики, которые отменились в этот страшный час, как детская игра.

Как в своем сне, Володя напрягся изо всех сил, чтобы прорвать стену ужаса, схватил Глашу за руки и потянул в обратную сторону. Глаша закричала еще страшнее.

И тогда он стал срывать с нее щупальца руками. Он почему-то знал, что будет очень больно, но не знал, насколько: чернота сразу проникла в тело, как в пустоту, и наполнила руки и пальцы густой слепящей болью. Володя не мог справиться с болевым рефлексом, но все же, надрывая горло, пытался сцарапывать с Глаши черные нити.

Вдруг боль ударила с тыла — в ноги. Они тут же перестали слушаться, и Володя упал на пол. Краем глаза он успел заметить, что щупальца переключились с Глаши на него. Никаких чувств или мыслей это не вызвало: весь Володя был переполнен леденящей болью, которая подступала все ближе к сердцу.

Сбоку, в углу комнаты, стал расти силуэт гигантской мыши. Слабеющим зрением Володя видел, как мышь, разбухнув до человеческого роста, сама собой стала женщиной — той самой, которую он видел. Она подошла к Володе и что-то бросила на пол. Сверкнул ослепительный вихрь искр, осветив ее лицо;

Перед тем, как вылететь в никуда, Володя вдруг понял, что было странного в этом лице. Оно было ни дать ни взять мышиная морда.

***

Вначале он думал, что умер.

Потом — что все еще спит.

Потом приподнялся, ожидая боли (он ничего не помнил, но почему-то думал, что будет больно).

Боли не было, и Володя приподнялся выше.

— Оклемаешься-то? Ну, знала, что сильный, сдюжишь, — услышал он незнакомый голос.

Володя повернул голову.

Вокруг высились сосны, уходя в чернильную ночь. Воздух казался ртутным из-за лунного света, пропитавшего лес, как губку.

— Кто вы? — спросил Володя у фигуры, сидевшей рядом.

— Тебе это знать не надобно. Да и не поймешь ты, — усмехнулась фигура.

Она сидела с ним рядом — женщина-мышь. Каким-то непостижимым образом Володя чувствовал, что ей очень много лет — гораздо больше, чем соснам, и почти столько же, сколько лунному свету.

— Глаша, — вдруг подскочил он. — Где она? Что?

И тут же увидел ее. Она лежала рядом, в двух метрах.

— Она умерла? Да? — закричал Володя.

— Чего голосишь-то? Будет, будет она жить, мать-землицу топтать, ежели ты об этом-то. Не кричи, не положено здесь так.

Ее ответ немного успокоил Володю, хоть он и чувствовал какой-то подвох.

— Она спит, да?

— Все вы спите, люди-человеки. И пробуждения пуще смерти боитесь.

Володя вдруг все вспомнил.

— Что это было? Почему так больно? Что с Глашей? Кто она? Где мы? — из него лез огромный вопросище, не уместаясь в словах.

— Эх из тебя поперло-то, — снова усмехнулась женщина-мышь. — Ладно. Слушай.

Как ты уже и сам понял, Аграфена — девица непростая. Есть на земле силы, которых людям

не дано понять. Ум-то перегорит, что твоя лампочка: раз — и все.

Аграфенин род издавна связался с такой силой. Добрая она или злая — о том говорить пустое дело: нет там ни добра, ни зла. А есть только свой уговор. И к людям он строг. Вот как твое государство дает тебе всякие блага, а взамен требует, чтобы ты соблюдал уговор, и если ты его нарушишь, оно тебя накажет, — так и эта сила. Много она может дать человеку, но взамен требует еще больше.

Мать зачала Аграфену от одного; Впрочем, тебе это знать ни к чему. Много силы было у них обоих, все сошлось одно к одному; Но Анфисе, матери-то Аграфениной, мало было. Она и вымолила особую судьбу для своей дочери.

А тут, чтобы ты понимал; Любая судьба, хоть Аграфены, хоть моя, хоть твоя — это тебе не бумажка в конторе: шлепнул печать и готово. Это как со стряпней: вот те мука, дрожжи, всякие-превсякие зелья, вот те печь, а какой хлеб выпечешь — это только от тебя зависит.

Так и судьба. Анфиса хотела, чтобы ее Аграфена миром вертела, людьми игралась; И вымолила для нее чудесные дары. Перво-наперво — дар красоты ненаглядной. Второй дар — казаться людям такой, какой ей надобно. И третий — главный дар: чтобы мир видел ее хотения и способствовал им.

Это очень сильный дар. Мир — он ведь к людям ровно дышит. Чтобы его к себе обратить, много, очень много силы нужно.

Но за все надо платить. Заплатила Анфиса за такие дары лютую цену: забрала ее тайная сила к себе. Вот точно так, как ты видел. А для человека это мука несусветная, и когда он там оказывается — мука во столько раз растет, сколько и слов-то в вашем языке нету.

Аграфена-то видела, как ее мать забрали. И знала, что и с ней такое может быть; Взяла ее к себе одна людская семья. Обычная, как все люди. Вот и вышло так, что душа Аграфены повязана была с тайной силой, а ум-то в городе вырос, по-городскому думал. Не хотела Аграфена своей судьбы. Не хотела того, за что ее мать себя на муку отдала. Не хотела вертеть

людьми, блядовать не хотела; А особенно не хотела людям зло делать. Она еще сызмальства поняла: кому она плохого пожелает — с тем это плохое и будет. Да и люди заприметили, особенно девки завидующие. Поняли, что нельзя Аграфену обижать.

Год назад вышла одна история. Поймали ее девки да стали брить ей голову. Поверье такое ходит: что у ведьмы вся сила в волосах. На деле вовсе не так: волосы берегут человека, связанного с тайной силой. Как оберег. Без него силе проще к душе дотянуться. А она любит людские души, ох как любит;

Аграфена давно зареклась желать плохого, но тут не вытерпела. Скверно это кончилось для девок, совсем скверно. Уж не буду говорить, как. А Аграфена терзалась крепко, даже убить себя хотела.

Тут-то мы и повстречались. Образумила я ее маленько. Скажу честно: такой силы и такой судьбы, как у нее, не встречала я еще. Но ей виду не подаю, уму-разуму учу ее. Ум-то у нее не наш, а ваш, городской, и трудно ей с ним.

Помогла я ей с судьбой совладать. Научила, как затаиться. Тот, кому она такой приглянется, и есть ее суженый. Не ворожила она тебя, Володя: мир сам увидел, чего вам желается, да и расстелился перед вами. Трудно словами-то это описывать, мил друг: говоришь одно, слова говорят другое, а в твоей голове третья поселяется; Ну, уже как есть.

Отослала я ее в столицу, подальше от наших лесов, а у самой сердце-то не на месте. Крепко приглянулась мне твоя Аграфена. Решила я быть поблизости, да и поселилась у тебя на квартире

— Мефодьевна?! — крикнул Володя.

— Ну что ты, — хитро ухмыльнулась женщина-мышь. — Мефодьевна давно прахом стала, а для тебя что она, что я — все едино; Хорошо сделала, что поселилась у вас. Ты Аграфену чуть было тайной силе не отдал.

— Как? Когда?

— Когда любовной мукой ее истомил. Все затворы открыл, — тайная сила и устремилась. Спасибо, я была рядом. Отвадила ее;

Володя сидел с отвисшей челюстью, вспоминая мышь на простыне, а та продолжала:

— Вот и главному пришел черед; Слушай. Два уговора было. Первый — никому не говорить о своей связи с тайной силой. На слова здесь черный запрет наложен. Только подумаешь преступить его — тайная сила к себе забирает.

Второй уговор: коль нашла своего суженого — выполняй его желания. Не то заберет его тайная сила.

Из-за тебя оба уговора завязались на Аграфене смертным узлом. Не выполнит твоего желания — отдаст тебя тайной силе. Выполнит — сама к ней уйдет;

Второе выбрала твоя Аграфена. Отдала волосы, потому как с ними в десятеро больше, а остаток выбелила в цвет смерти; Бедняжка, она думала, что просто умрет, и все. Она и на волосок не понимала, на что идет, глупое дите;

— Ты спасла ее?

— Не я, а ты. Если бы ты не пожертвовал собой, я бы ничего не сделала. Твоя жертва лишила уговор силы. А я подсобила маленько;

Володя вскочил (под ногами хрустнули ветки) и подбежал к Глаше.

— Где мы? — снова спросил он.

Женщина-мышь покачала головой.

— Экий ты; Вы в моем лесу. Где он — тебе знать не надобно. Здесь тайная сила власти не имеет.

— Когда мы будем дома?

— Оклемаетесь маленько, и домой. Подлечиться вам надо. Только помнить ничего не будешь, что здесь видел. Так уж заведено;

— Вы нас будете лечить?

— Чего я-то?; Сами себя будете лечить.

— А как?

— «Как, как»; То будете делать, для чего вместе сошлись.

В лунных лучах сквозь ветви деревьев просвечивали полупрозрачные силуэты. Лес был полон каких-то существ. Но Володе не было страшно; точнее, страх был, но не ужас, а томительно-азартный холодок, какой бывает, когда предстоит делать что-то совсем-совсем необыкновенное.

— Оооо; — Глаша застонала и открыла глаза. — Ой!

Она не лежала, а парила в лунном луче в полуметре над землей, медленно поднимаясь вверх. Володя вдруг осознал, что они с Глашей совершенно голые. Во всем теле ощутилась необыкновенная легкость, будто вместо земли их стала притягивать луна;

***

«В начале ноября 2008 года двое студентов, пропавших без вести неделю назад, были обнаружены в районе Зеленограда. Они ничего не помнили о том, что с ними произошло. Если учесть, что всего в сорока километрах от этого места очевидец Пивохлебов В. Э. видел зеленых гуманоидов — становится совершенно очевидно, что ребята были»
(с сайта www.ufoistina.ru)

— А вдруг нас и в самом деле украли инопланетяне? — спрашивала Глаша.

— Ну что ты, — отвечал ей Володя. — Просто мы, наверно, пошли на природу, переутомились там маленько — ты знаешь, мы с тобой умеем? Ну, и потом нас кто-то нашел, а пока суд да дело, пока в полицию обратились — сама знаешь, как это бывает? Вот и прошла неделя.

— Наверно, ты прав, — задумчиво говорила Глаша, поглаживая свой зеленый ежик. (Она выкрасила волосы и брови в ярко-зеленый цвет. Володя, когда увидел, подавился собственной слюной.)

Он не решался рассказать ей о своих снах, которые начались сразу после того случая. Ему снился какой-то лес, плавающий в лунных лучах, как в ртутном соусе. Там была какая-то колдунья, что ли, и еще куча всяких непонятных существ, и там Володя вытворял с Глашей такое, что было неловко вспомнить, не то что рассказать?

Но сны — они и есть сны. Что с них возьмешь?

Володя придерживался материалистической точки зрения на мир и не верил во всякую чепуху. И даже умение своей жены придвинуть взглядом чашку кофе, или лишить голоса хамку в метро, или вложить в Володину голову ответы на тесты, которые улетучивались оттуда после сдачи — все это объяснялось одним простым словом: «экстрасенс». Наука еще не все раскрыла в этом мире, но (верил Володя) когда-нибудь обязательно раскроет.

И никакой мистики!..